

ДИСКУССИИ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ

© Ю. Г. ТЮТЮННИК

Институт эволюционной экологии Национальной академии наук Украины, Киев
E-mail: carmel@mail.ru, carme@univ.kiev.ua

Статья является продолжением дискуссии о современном состоянии и путях развития ландшафтоведения, развернувшейся на страницах «Известий РГО» (А. Г. Исаченко, Г. А. Исаченко, Е. Ю. Колбовский, А. В. Хорошев). Изложена авторская позиция по поднятым в дискуссии вопросам, базирующаяся на положениях философии науки П. Фейерабенда и концепции онтологических режимов Ф. Десколы. Высказано предположение, что противоречия, возникающие между практикой ландшафтопреобразования и теорией ландшафтоведения, обуславливаются не изъянами теории, а фундаментальными историческими пороками новоевропейской онтологии, лежащими в основе современной практики природопользования. В качестве концептуальной альтернативы, ставшей возможной в гносеологических условиях постмодерна, предложено обратить внимание исследователей на онтологии, которые отличаются от новоевропейской, и использовать их как для развития теории ландшафтоведения, так и для совершенствования общественной практики ландшафтопреобразования.

Ключевые слова: ландшафтоведение, натурализм, онтология, постмодерн, тотемизм.

Дискуссия о состоянии и перспективах современного ландшафтоведения, возникшая на страницах «Известий РГО» [5, 6, 8, 14], закономерна и актуальна. Такие дискуссии в любой науке генерируются «столкновением» традиции и новаторства и, как правило, служат стимулом к дальнейшему развитию научного знания, особенно в области теории.

Рефлексия над дискуссией, или предварительные замечания. Любая научная дискуссия имеет видимые, внешние признаки, приемы, способы выражения и самовыражения и глубокие, невидимые с первого взгляда, скрытые, «тектонические» причины, толкающие силы и направления движения. Между ними не всегда можно (и нужно) провести четкую линию разграничения. Внешнее (эвристическое, схоластическое, эмпирическое) в научной дискуссии имеет индикативное значение по отношению к более глубоким «мыслительным пластам». В дискуссии, о которой идет речь, к внешним, бросающимся в глаза, смысловым моментам относятся такие, как противопоставление традиционного и новаторского с вытекающим отсюда стремлением предложить что-то качественно новое в теории («неоландшафтоведение»); отрицание ландшафта как объективной реальности; противопоставление ландшафта и экосистемы, а также «просто ландшафта» и «культурного ландшафта» с вытекающим из этого мнимым соперничеством ландшафтоведения и ландшафтной экологии, а также ряд других моментов.

Скрытые «пружины» дискуссии, по нашему мнению, просматриваются в таких психологических по существу обстоятельствах, как стремление «сбро-

силье классиков с парохода современности»; в артикулируемой личным исследовательским опытом неудовлетворенностью от плохого взаимодействия теории ландшафтоведения и практики современного природопользования и ландшафтопреобразования (в частности, в области планирования ландшафта); в использовании понятия мифа для «борьбы» с оппонентом; в желании подвести под научный дискурс прочное философское основание, что не всегда получается. Последнее было подмечено А. Г. Исаченко в статье инициатора дискуссии Е. Ю. Колбовского. Было указано, что, хотя Колбовский и вынес в заглавие своей статьи словосочетание «эпистемологический анализ», этого анализа в ней как раз и нет. Есть эвристическая критика, исходящая из анализа истории науки и взаимодействия научной теории с практическими задачами дня. Тем не менее философская категория *эпистемологии* выносятся в заглавие статьи. Зачем? Очевидно, для того чтобы подвести под свои рассуждения философское основание, ввести в аргументацию «философскую составляющую».

В стремлении пересмотреть соотношение наследия классического ландшафтоведения и его современных наработок просматриваются попытки историко-наукоедческого анализа, которые вряд ли можно тоже считать успешными. И здесь нельзя не согласиться с А. Г. Исаченко, считающим деструктивным «пересмотр» наработок традиционного, в частности, советского ландшафтоведения. Дело вовсе не в «борьбе» между старым и новым, а в том, что, даже «свергая авторитетов», ученый должен отдавать себе отчет, что на плечах этих самых авторитетов он стоит. Зададимся простым вопросом: а какой смысл сегодня критиковать советское ландшафтоведение? Непродуктивность этого занятия с эмпирических и гносеологических позиций убедительно показал в своем ответе Е. Ю. Колбовскому Г. А. Исаченко. Мы укажем на еще один аспект — историко-научный. Критика советского ландшафтоведения в самом деле была актуальной и востребованной на некотором временном отрезке — в 1990-х гг. Нужно было избавляться от начетничества и догматизма, косности и заидеологизированности, которые, нравится нам это или нет, но всегда накапливаются в той или иной методологической системе, если она длительное время не подвергается глубокому критическому анализу и переосмыслению. И такая болезненная и не очень приятная работа в свое время была проделана и в географии (например, В. Л. Каганским [7]). Но сегодня уже середина 2010-х гг., и «пинание мертвого льва» не имеет никакого конструктивного смысла. Зерна уже отделены от плевел; то, что должно было войти в золотой фонд науки, — вошло, от чего надо было избавиться — отошло. А опора позднесоветских и постсоветских ландшафтоведов на плечи гигантов ландшафтоведения советского имеет уже силу факта истории науки.

Что касается тезиса о замене ландшафта экосистемой, то он вообще выходит за рамки географической науки. По одной очень простой причине: *ландшафт облигатно топологичен, экосистема топологична факультативно*. На это обращает внимание и Г. А. Исаченко, но почему-то считает такой аргумент «вненаучным». Коллегам, стремящимся к замене ландшафта экосистемой, стоило бы сначала определиться, в сфере какой фундаментальной науки они хотят работать: в биологии или в географии? Если же «на стыке», то нужно быть готовым к критике и с одной, и с другой стороны.

Неординарен вопрос о соотношении науки и мифа. Понятие мифа употребляется в статьях участников дискуссии в негативном ключе, как антитеза «истинной научности». С этого момента мы хотели бы начать изложение на-

шего видения вопроса о «ландшафтоведении будущего». И прежде всего обратим внимание на то, что миф не просто не несет в себе отрицательного значения, его вообще нецелесообразно линейно противопоставлять науке, видя в последней только способ преодоления и опровержения мифа. Взаимоотношения науки и мифа куда более сложные, нелинейные и интригующие.

От мифа к практике. Бросая взгляд на современное постсоветское ландшафтоведение, нетрудно заметить, что тематика мифа в самом широком понимании, но прежде всего как объекта и метода исследования, поднимается в нем преимущественно сторонниками разных гуманитарно-географических течений, связанных с философской антропологией, феноменологией, герменевтикой, экзистенциализмом и т. п. Физикалистски, логоцентристски, сциентистски настроенные ландшафтовики тему мифа стараются обходить стороной, но это не значит, что миф не вхож и в их рациональный дискурс тоже. Рационалистически и объективистски ориентированная наука подвержена влиянию мифа ничуть не в меньшей мере, чем ее гуманитарно-ориентированные направления. В частности, уверенность в так называемой объективности — столпе рациональной науки, в том числе и уверенность в объективности ландшафта, также несут на себе печать мифа. Просто за «убедительной точностью» логоцентризма такое не сразу замечается, и одной из причин этого является то, что взаимодействие мифа с наукой зарождается не только и даже не столько в собственно гносеологической области (на чем делают акцент гуманитарные трактовки мифа), сколько в сфере онтологической — в контексте социально-экономических, политических, аксиологических и экзистенциальных условий и движущих механизмов научного поиска [13]. Последние обычно не включаются в предмет той самой научной рефлексии, которую обуславливают; их рассмотрение считается прерогативой философского и социально-политического осмысления.

Но независимость научного метода от онтологической (или экзистенциальной) практики и обуславливаемых ею мифологией обманчива. В этой связи мы должны согласиться с Е. Ю. Колбовским, считающим, что необходимость в «неоландшафтоведении» вызывается к жизни в первую очередь конфликтом традиционного ландшафтоведения с практикой планирования ландшафтов (разумеется, речь должна идти и о других областях ландшафтопреобразующей активности человека). Однако если Колбовский, сделав это справедливое замечание, далее направляет острие своей критики в адрес теории ландшафтоведения, мы развернем его на 180° и обратим в сторону практики. Практика современного природопользования и ландшафтопреобразования настолько порочна, что в принципе не может полноценно стыковаться с любыми ландшафтоведческими теориями, независимо от их возраста, принадлежности к научной школе или степени признанности. Можно много спорить и рассуждать о полноте или неполноте теоретических наработок ландшафтоведения, об их большей или меньшей верифицируемости и адекватности, даже о степени «косности» или «прогрессивности», но вряд ли у кого-то повернется язык сказать, что они направлены на то, чтобы ландшафт разрушать. Удачно или неудачно, но мы предлагаем и соответствующим образом обосновываем, рассчитываем то, как ландшафт улучшать. А вот в том, что на деле выходит не так или не совсем так — уже виновна не теория (которая всегда несовершенна, даже в фазе «нео-»), а практика — общественная практика ландшафтопреобразования. Да, и субъект научного творчества может оказаться не без греха и поставить свою подпись под никудышным проектом

или негодным актом приемки-сдачи. Но и это уже — из области экзистенциального, а не методического и методологического.

Посмотрим на перспективы ландшафтоведения с такой точки зрения: примат порочной практики ландшафтопреобразований над адекватными теориями этих преобразований, «несоответствие» не теории запросам практики, а порочность самих практических запросов, которым никакая теория, ни традиционная, ни «нео-», угодить не может. Здесь мы занимаем позицию еще более пессимистическую, чем Е. Ю. Колбовский, и не можем согласиться с Г. А. Исаченко, связывающим завышенные, как нам представляется, ожидания с рациональностью и перспективностью общественных практик ландшафтопреобразования сегодняшнего и (особенно) завтрашнего дня.

Но именно такой пессимизм, известный сегодня под названием *алармизма*, нам представляется наиболее продуктивными в поисках путей, ведущих к ландшафтоведению будущего. Объявляя практику ландшафтопреобразования имманентно порочной, мы лишаем теорию этого преобразования удобств классической линейной схематичности: для того чтобы улучшить практику ландшафтопреобразования, надо создать более совершенную его теорию. Такую теорию создать невозможно. Практику ландшафтопреобразования, которой придерживается сегодня человечество, не удовлетворит и не спасет никакая теория. Начиная от Олдувайских «каменоломен» и заканчивая чудесами архитектуры в Объединенных Арабских Эмиратах, практика целенаправленного ландшафтопреобразования человечества *в целом* имманентно деструктивна. Удачные, конструктивные ее проявления — это частные случаи, исключения из правила на фоне *общей закономерности* — разрушения ландшафта.

От «европейского нигилизма» до «состояния постмодерна»: пространство возможностей для ландшафтоведения. В 1940-х гг. новоевропейская наука с ее рациональностью и логоцентризмом, дискурс Просвещения с его схемой господства—подчинения, проект модерна с его установкой на прогресс, вообще вся культурная традиция, которую принято именовать «западной», начала подвергаться мощной онтологической критике. С позиций истории и гносеологии она критиковалась всегда, от начала своего зарождения (старт рациональной новоевропейской ментальности обычно связывают с выходом в свет в 1637 г. «Рассуждения о методе» Р. Декарта). Но работами М. Хайдеггера («Европейский нигилизм», 1940 г.), М. Хоркхаймера и Т. Адорно («Диалектика Просвещения», 1944; «Затмение разума», 1947) означилось нечто качественно новое: под сомнение начали ставиться онтологические и экзистенциальные основы европейской цивилизации. Причем сомнение это было не привнесенным извне, из других культур, а рожденным в недрах именно европейского сознания, более того — в разных сферах этого сознания. Хайдеггер и философы франкфуртской школы (из теорий которой впоследствии выросла радикальная география) придерживались очень разных, во многом противоположных, точек зрения; но выводы, к которым они пришли, размышляя о специфике новоевропейской культуры, оказались весьма схожими.¹ Не вдаваясь в тонкости и, может быть, несколько огрубляя, ска-

¹ Здесь же можно упомянуть и начавшуюся тогда же философскую работу французских экзистенциалистов, деятельность которых поначалу носила более литературный, нежели философский, характер. Вообще, Вторая мировая война стала своеобразным «репером» в восприятии европейцами всего «проекта Просвещения», закончившего свою эволюцию печами Освенцима и пеплом Хиросимы.

жем так: это был, по существу, экзистенциальный приговор западной культуре в целом и рациональной новоевропейской науке в частности. Во второй половине XX в. от десятилетия к десятилетию мягко или резко многие философские течения стали присоединяться к этому приговору, пока к концу века все это интеллектуальное движение не закончилось вхождением новоевропейского сознания в *состояние постмодерна*.

Что такое постмодерн? Само слово — *постмодерн* — говорит нам, что это исторический период в эволюции западной цивилизации, который пришел на смену эпохе модерна. Некоторые философы науки [4], и мы присоединяемся к этой точке зрения, считают состояние постмодерна приходящим, промежуточным, отделяющим ушедшую/уходящую эпоху модерна от какой-то новой исторической ситуации, контуры которой пока еще мало понятны.

Философы, социологи, науковеды состояние постмодерна идентифицируют по целому ряду признаков. Для целей нашего исследования наиболее важными представляются следующие два.

1. Как образно, но точно выразился один из основоположников философии постмодерна Ж.-Ф. Лиотар, гносеологические условия нового исторического этапа для философии и науки определились тем, что «Великий Рассказ утратил свое правдоподобие, вне зависимости от способа унификации, который ему предназначался» [9, с. 92]. «Великий Рассказ» эпохи модерна называют еще *гранднарративом*. Этим не совсем четким понятием передается некая наиболее общая система правил, условий и целей любой дискурсивной деятельности, которая определяет общий ход этой деятельности. Например, в системе новоевропейского мышления само собой разумеющимися категориями являются понятия *субъекта* и *объекта*. К ним можно относиться по-разному, порой с диаметрально противоположных позиций (например, в системе «субъективный идеализм—объективный идеализм—диалектический материализм»). Но как бы мы о них не рассуждали, в какие бы отношения между собой не ставили, в любом случае способ нашего рассуждения будет определяться самим наличием этих двух категорий. Так рождается «Великий Рассказ» о субъекте и объекте, и он правдоподобен и у Беркли, и у Гегеля, и у Маркса... Утрата же этим рассказом правдоподобия будет означать то, что эти две столбовые категории европейской культуры и новоевропейского мышления низведены к разряду частного случая. Или на них можно вообще не обращать внимания, абстрагироваться. А вопрос о том, как без них мыслить? — это уже вопрос другой (об этом далее).

2. Второй важный для нас признак состояния постмодерна в отличие от первого обычно не фигурирует в философских работах как идентифицирующий это состояние. Но он достаточно очевиден и крайне прост: мир, выстраиваемый под европейскую цивилизацию (пресловутая глобализация), живет сегодня в состоянии *перманентной и нарастающей экологической катастрофы* (в самом широком смысле, включая «экологию культуры», «экологию разума», «экологию души» и т. п.). Мы не станем углублять и развивать тему: она и так углублена донельзя. Но важно подчеркнуть, что *экологический фактор сегодня перешел в разряд онтологического*. Стоит вопрос, возможно ли вообще дальнейшее существование вида *Homo sapiens*? Обилие рассуждений на тему «экологической катастрофы» и рекомендаций ее избегания в практическом плане в целом на ситуацию позитивно не влияет.

Второй момент состояния постмодерна, очевидно, самым непосредственным образом связан с ландшафтоведением — и настоящим, и будущим.

Связь эта зиждется на практике ландшафтопреобразования. Первый момент также связан с ландшафтоведением, но уже через «чистую» гносеологию. Ученым предлагаются новые условия для построения и создания теорий, и, очевидно, наука должна этими возможностями пользоваться.

Соединяя эти два момента — онтологическое значение практики ландшафтопреобразования и качественно новые гносеологические условия для развития теории ландшафтоведения, попытаемся предложить свой вариант «неоландшафтоведения», относясь при этом к приставке «нео-» с благожелательной иронией...

Онтологический режим. Наиболее общие и глубинные особенности новоевропейского мышления и мифа в современной антропологии и культурологии обозначаются понятием *натурализма*. Считается, что натурализм является одной из четырех встречающихся в мировых культурах разновидностей *онтологического режима* — базовой системы понятий, правил и ценностей, охватывающей космологические, экологические и социальные стороны миропонимания и практической деятельности в рамках той или иной культуры. Кроме натурализма, в человеческих культурах различаются онтологические режимы *аналогизма* (дальневосточные и южно-азиатские культуры), *анимизма* (рассеян в разных, преимущественно в труднодоступных и хозяйственно слабо освоенных, частях планеты) и *тотемизма* (тоже рассеянный тип онтологии, но имеющий «повышенную концентрацию» у аборигенов Австралии) [3].¹ В теории онтологических режимов культур для нас самым важным является то, что именно ими определяется практика природопользования и ландшафтопреобразования, и принципиально поменять эту практику, оставаясь внутри системы определенного онтологического режима, невозможно.

Важные моменты натурализма («европейской традиции», «западной ментальности», «рационального мышления») частично были упомянуты выше, а в целом они нам, как их непосредственным носителям, хорошо знакомы. Остановиться подробно на онтологиях аналогизма и анимизма не позволяет объем статьи. Подчеркнем только то, что при обращении к ним, как к альтернативам натурализму в целом и его схемам природопользования в частности (а это сейчас весьма модно), ожидания чрезмерно завышаются. Культурные традиции Дальнего Востока, Южной Азии и архаических обществ (экваториальные леса, тропические пустыни, высокогорья, тайга и тундра) далеко не так «экофильны», как представляется на первый взгляд. В этих аналогистских и анимистских культурах имеется целый ряд онтологических и аксиологических «лазеек» для внедрения в общественное и индивидуальное сознание агрессивных по отношению к природной среде форм поведения, прагматика которых разрушает ландшафт с не меньшим успехом, чем это происходит в рамках натурализма [10].

Систему тотемизма, поскольку она, с одной стороны, менее известна, чем, например, философия буддизма (аналогизм) или космос индейцев Амазонии (анимизм), а с другой — представляет для теории ландшафтоведения существенный методологический интерес, рассмотрим подробнее.

В основе онтологии тотемизма лежит понятие Грёзы. Оно не имеет аналогий в европейской системе базовых онтологических категорий, поэтому его

¹ Французский антрополог Ф. Дескола, на работы которого мы в данном случае опираемся, употребляет выражения «онтология», «онтологический режим», «онтологический тип», не делая между ними особого различия и особенно не разясняя их содержание.

трудно определить на привычном для нас языке рационального дискурса, включая и понятие Бога. Важные для нас отличительные признаки этой необычной онтологической категории, как их описывает Ф. Дескола [3], таковы.

1. Грёза имманентно топологична. Ее топологичность конституируется особыми *существами Грёзы*, которые в онтологии тотемизма выполняют роль своеобразных факторов локализации. Эти существа выходят из земли в строго определенных местах и возвращаются в нее там же. Тотем как место вхождения существ Грёзы в землю и их выхода из нее намертво привязан к территории. Тотемизм — *имманентно территориальная онтология* (экзистенциальная топология).

2. В онтологическом режиме тотемизма отсутствует понятие объекта. Здесь есть только два рода субъектов: 1) первичные безусловные — это существа Грёзы, отождествляемые с *местом*, и 2) вторичные обусловленные — человек, животные, растения. Оригинальность экзистенциальной топологии тотемизма состоит в том, что любой вторичный субъект обуславливается своим окружением, но это окружение не состоит из объектов (как это имеет место в системе натурализма, например в теории отражения). Оно состоит из таких же, как он, субъектов. Наделение нечеловеческих существ свойствами субъекта, как обусловленности, сближает тотемизм с анимизмом, а лишение человеческих и нечеловеческих существ свойств субъекта, как безусловности, делает его похожим на натурализм. Но в любом случае традиционная диалектическая пара «объект—субъект» — один из реперов «Великого Рассказа» Нового времени — в онтологическом режиме тотемизма отсутствует.

3. Человеческие и нечеловеческие существа, являясь репрезентациями существ Грёзы, образуют гетерогенные совокупности, в которых субстанции свободно перетекают друг в друга в рамках единого тотемистского коллектива, целостность которого обеспечивается локусом/существом Грёзы и маркируется соответствующим тотемом. Отсюда следует весьма важный для нас вывод: понятия природопользования, и вытекающего из него понятия ландшафтопреобразования, как таковых, в тотемизме нет. Обращение человека с ландшафтом здесь не вкладывается в семантическое поле слов «пользование» и «преобразование» (особенно, если акцент делается на целенаправленности последнего). Ф. Дескола образно, но точно описывает данную ситуацию так: „Человек-опоссум, поедающий опоссума, никак не вредит этим «качеству-опоссуму» [порождаемому существом Грёзы. — Ю. Т.], через которое определяется и тот и другой, потому что, каждый на свой манер, они являются всего лишь его [этого существа. — Ю. Т.] временными воплощениями” [3, с. 381].

4. Тотемистскую диалектику трудно определить в координатах привычных для нас понятий идеализма и материализма, она имеет признаки и того и другого. Ошибочно было бы считать основную категорию онтологии тотемизма Богом-Демииургом, Природой-Материей, Идеей-Словом или какой-либо формой их «синтеза». Она — подчеркнем еще раз — вполне самостоятельная онтологическая категория, не имеющая аналогов в новоевропейской системе мышления. Из «материально-идеального» характера Грёзы следует, помимо прочего, то, что в онтологическом режиме тотемизма рациональное знание и миф не будут находиться в состоянии конфронтации («наука опровергает миф») ни по существу, ни по форме. Никто ничего не опровергает, потому что в этом нет онтологической, а значит и гносеологической необходимости.

Можно было бы продолжить анализ и выделить еще ряд важных характеристических моментов онтологического режима тотемизма, однако и сказанного достаточно, чтобы понять, что обращение к онтологиям, отличным от новоевропейской, открывает новые гносеологические возможности для научного метода и практики научного поиска. Рассмотрим их применительно к ландшафтоведению на примере указанных выше онтологических моментов (пункты 1—4).

Ландшафтоведение будущего? Из пункта 1 следует, что любая модель мироздания топологична по существу. Топология онтологична в своей основе, и наоборот (чему в философии постмодерна есть отличная иллюстрация — философская система Ж. Делёза). Думаю, коллегам не надо объяснять, какую гносеологическую и методическую пользу из этого момента может извлечь география в целом и ландшафтоведение в частности. Заметим только, что условие имманентной топологичности делает невозможной саму постановку вопроса о «замене» облигатно топологичного ландшафта факультативно топологичной экосистемой.

Из пункта 2 следует, что ландшафт не может быть рассмотрен как объект. Вообще понятие объекта исследования если не исчезает, то переводится в разряд логических частностей. Для ландшафтоведения это имеет принципиальное значение, поскольку субъекту-ландшафтоведущему чисто топологически крайне неудобно (и понятие «неудобно» здесь имеет свой прямой пространственный смысл — «неудобное положение») изучать объект исследования — ландшафт, находясь гносеологически вроде бы как вне его, но онтологически пребывая целиком и полностью погруженным в самую его нутрь и гущу. Пункт 2 элиминирует оппозицию человека-субъекта к ландшафту-объекту и утверждает его субъективную конституцию в качестве производной от ландшафта. (Модель порождения ландшафтом субъективности, как таковой, разработанная на основе экзистенциальной топологии Ж. Делёза, предложена нами в [12]). Ландшафт и все его составляющие наделяются правами субъекта со всеми вытекающими методическими и аксиологическими следствиями.

Третий из рассмотренных выше моментов онтологии тотемизма является, вероятно, «самым ландшафтным» по своей удивительной логике. Грёза объединяет в целостность любую гетерогенность (ее существа делают то же в строго определенных местах). Достаточно заменить Грёзу на Гармонию, в рамках онтологии натурализма рационально так до конца и не объясненную, и мы получим классическую концепцию ландшафта Докучаева—Берга. Может быть, загадка и притягательность ландшафтоведения как рациональной науки и состоит в том, что на заре своего становления оно обратилось к онтологической категории (Гармония), имеющей в рамках новоевропейского мышления сильный оттенок метафоричности, но выступающей вполне законченным логическим оператором в иной онтологической системе? Эту мысль можно развить и в отношении самого слова/понятия «ландшафт», каким оно родилось в 830 г., задолго до эры рациональной новоевропейской науки...

Четвертый момент снимает оппозицию идеального и материального. Какова природа спора о первичности культурного ландшафта по отношению к природному, и наоборот? Именно в этой дилемме. Ландшафт, объединяя все элементы гетерогенности в целостность, должен включать в себя и все идеальное. А с таким включением как раз и возникают проблемы. Для него у новоевропейского мышления нет ни методического механизма, ни онтологических оснований. В результате — словопрения о том, какой ландшафт «пер-

вичней» — природный или культурный? Обе стороны в этом споре правы, а значит, не стоит тратить на него силы и лучше прекратить. Но как? Да просто проигнорировать оппозицию, вообще дистинкцию материального и идеального. Но для этого нужно выйти за рамки онтологического режима натурализма, во многом этой самой дистинкцией и определяемого. Обращение к онтологии тотемизма такую возможность предоставляет.

Ко всему вышесказанному, и ко многому другому, что можно было сказать в этом же ключе, можно, что называется «с порога», предъявить целый ряд претензий методического, методологического и философского порядка. Однако не стоит забывать несколько простых вещей. Во-первых, все возможные критические замечания будут сформулированы в рамках рациональной науки и философии той самой новоевропейской традиции мышления, из тисков которой мы стремимся вырваться. Во-вторых, речь ни в коей мере не идет о замене «худшей» онтологии «лучшей». Это противоречило бы не только логике научного поиска, но и самому духу постмодерна. Нет смысла заменять один «Великий Рассказ» другим. Смысл в том, чтобы утвердить *мультикультурализм*, считающийся также одной из отличительных черт состояния постмодерна. И если П. Фейерабенд настаивает на пролиферации идей как несомненной пользе для научного метода и обязательном условии для выполнения наукой позитивных функций в жизни общества [13], то мы можем развить эту мысль и сказать о *пролиферации онтологий*. С пользой уже не только для науки и демократического общества, а для всей, хотелось бы надеяться, цивилизации в целом, которая — подчеркнем еще раз — в этой пользе сегодня нуждается, как никогда ранее в истории. В-третьих, ростки новых онтологий в науке в целом и в ландшафтоведении в частности появляются уже сегодня то тут, то там: «процесс пошел». Приведем примеры.

1. Ландшафтные экологи сегодня лихорадочно ищут признаки спецификации своей науки. Для того чтобы ландшафтная экология состоялась как отдельная и самостоятельная наука, в ее предмет исследования и метод необходимо ввести нечто такое, что качественно отличало бы ее и от ландшафтоведения, и от экологии. А. Фарина и вслед за ним М. Д. Гродзинский [2] предлагают таким отличием считать ... субъективный «взгляд» на ландшафт любого из его компонентов. Когда речь идет о человеке, то слово «взгляд» в кавычки можно не брать. Когда имеются в виду животные, то в принципе тоже, хотя уже возникает ряд философских и методических вопросов. Но вот когда говорится о «взгляде» на ландшафт растения или формы рельефа, то без кавычек здесь не обойтись. Во всяком случае так требует закон новоевропейского мышления, согласно которому ни растение, ни камень субъектом не являются и собственного взгляда, следовательно, не имеют. Тем не менее названные авторы и в случае растений, и в случае косных компонентов ландшафта предлагают наделить каждый из них статусом субъекта, имеющего свой взгляд. Налицо явный выход за пределы онтологии натурализма. Важно, что выход этот не привнесен извне — ни из шаманизма, ни из джайнизма или чего-то подобного, а родился в недрах рационалистской парадигмы самой европейской науки. Еще более важно, как нам кажется, то, что рассуждения М. Д. Гродзинского о субъективности трав, камней и ручейков озвучены не в дискуссионной статье, а в ... учебнике, утвержденном и рекомендованном для вузов Министерством образования и науки Украины. Автор, с легкостью переступив через привычные философско-методологические требования новоевропейской науки, учит подрастающее поколение ландшафтоведов тому,

что на траву, камень и ручей нужно смотреть так же, как на человека, — как на субъект.

2. Философы-инвайронменталисты из Мордовского университета А. А. Гагаев и П. А. Гагаев выступили с «требованием» предоставления ландшафту статуса субъекта права [1]. Историческую основу такого требования составляют традиционные для новоевропейского сознания и в то же время внутренне оппозиционные ему философские, этические и эстетические учения (романтизм, трансцендентализм), которые стремились перенести нормы этики и морали вовне — с человека на природу и ее слагающие. Эти попытки не первое столетие (вероятно, начиная с Г.-Д. Торо) усиленно дополняются аналогичными представлениями дальневосточных и южноазиатских культур, а на уровне бытовой рефлексии — и взглядами анимизма. Сегодня разнообразные «биоэтики», «экоэтики», «этики ответственности» и прочие «живые этики» — весьма популярная область и методического, и философского осмысления, и общественной деятельности. Но как бы мы к ним положительно не относились, они продолжают оставаться не более чем *благими пожеланиями*. Ландшафт, экосистема и их слагающие в *практическом плане* в конечном счете выступают не в качестве субъекта, а как объект права. Даже в Конституции Эквадора, на которую ссылаются Гагаевы, о природе как субъекте права упоминается в будущем времени — потенциально, а не фактически [15]. Практические же все ее статьи, обеспечивающие защиту «прав природы», не выходят за рамки традиционного экологического права.

Тем не менее в декларации Гагаевых намечается радикальный и важный поворот. Во-первых, субъектом права мыслится не абстрактная природа или ее «вызывающие жалость» элементы, а именно ландшафт. Поскольку же ландшафт топологичен, то субъектом права должно выступать и место. Во-вторых, в ней четко просматривается практическая сторона проблемы, а не просто высокое морализаторство. Остается «только» решить в рамках науки — ландшафтоведения и юриспруденции, как практически обеспечить права ландшафта не как объекта, а как субъекта права? Его не пригласишь в зал суда в качестве пострадавшего. Тогда, может быть, нужно, выходя за рамки новоевропейской онтологии права, переосмысляя «зал суда» — и как понятие, и как место, последний перенести в ландшафт (начав хотя бы с простого «выездного заседания»)?

3. Понятие ландшафта как гносеологическая категория сегодня активно ассимилируется философией и теми отраслями науки, в которых оно ранее никогда не использовалось [11]. Основной причиной этого является то, что фундаментальная категория науки и культуры «ландшафт» еще не получила своего достаточного смыслового расширения. Те смыслы, которые в ней заложены «от рождения», богаче и глубже того, что уже хорошо артикулировано. Даже в «традиционном» ландшафтоведении имеют место интенсивное углубление и расширение понимания ландшафта, нарабатываются новые методы его изучения, и наука, как справедливо подчеркивает участник дискуссии А. В. Хорошев [14], становится методически, эвристически, концептуально разностороннее и разнообразнее. А интеллектуальная работа, которая осуществляется в ближайших гуманитарных и в дальних, например астрофизических, «окрестностях» понятия ландшафта, вообще напоминает состояние бума. Пролиферация понятия является косвенным свидетельством того, что ему уже «тесно» в области привычной натуралистической онтологии и что

рано или поздно оно столкнется с необходимостью ассимиляции иных онтологий, выработанных человеческой цивилизацией.

Ландшафтоведение к этому готово, как ни одна другая наука, по простой причине. Стремление к тотальному комплексированию всего и вся в определенном месте составляет суть ландшафтно-географического мышления как такового. Этот способ мышления — не просто высокое теоретизирование, хотя есть, конечно, и это. Он выработан на основе многолетней работы с эмпирическим материалом и, как говорится, вошел в плоть и кровь ландшафтоведческой науки, принимая порой форму неосознаваемой привычки. Если эту привычку перенести из сферы осмысления окружающего эмпирического мира в область внутренней гносеологии и метода ландшафтной географии, то и получится, что соединить онтологические режимы натурализма, тотемизма, аналогизма, анимизма и, может быть, еще какие-то, пока не артикулированные антропологией и культурологией, в некую совершенно новую, необычную и даже немного своей необычностью пугающую парадигму, для нашей науки гносеологически будет наиболее просто в сравнении с иными областями научного поиска. Таким мы представляем ландшафтоведение будущего. А добавлять к нему приставку «нео-» или что-то в этом роде — дело личного вкуса и не более того.

Список литературы

- [1] Гагаев А. А., Гагаев П. А. Культурный ландшафт как субъект естественных гражданских прав // Теория и практика планирования культурного ландшафта: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Саранск, ноябрь 2010 г. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. С. 3—7.
- [2] Гродзинський М. Д. Ландшафтна екологія: підручник. К.: Знання, 550 с.
- [3] Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / Пер. с франц. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
- [4] Загороднюк В. П. Автодеструкції чи відродження: надбання і втрати постмодернової філософії науки // Totallogy — XXI. Вип. 2, 3. К.: Центр гуманітарної освіти НАН України, 1999. С. 133—157.
- [5] Исаченко А. Г. Деструктивные тенденции в постсоветской географии: от ревизии достигнутого к «неоландшафтоведению» // Изв. РГО. 2014. Т. 156, вып. 6. С. 57—64.
- [6] Исаченко Г. А. Ландшафт между реальностью и конструкцией (размышления по поводу статьи Е. Ю. Колбовского) // Изв. РГО. 2014. Т. 156, вып. 2. С. 46—66.
- [7] Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
- [8] Колбовский Е. Ю. Существует ли природный ландшафт: эпистемологический анализ феномена // Изв. РГО. 2013. Т. 145, вып. 5. С. 49—66.
- [9] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
- [10] Тютюнник Ю. Г. Етика природокористування в східній культурній традиції // Екологія і культура: 36. К.: Наук. думка, 1990. С. 112—132.
- [11] Тютюнник Ю. Г. Пролиферация понятия «ландшафт»: почему она происходит и как относиться к ней географам? // Изв. РГО. 2013. Т. 145, вып. 5. С. 66—78.
- [12] Тютюнник Ю. Г. Тоталлогия ландшафта. К.: Центр гуманитарного образования НАН Украины, 2002. 122 с.
- [13] Фейерабенд П. Избранные работы по методологии науки / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1986. 542 с.

- [14] Хорошев А. В. К дискуссии о неоландшафтоведении: детерминированность, полимасштабность, полиструктурность // Изв. РГО. 2014. Т. 146, вып. 4. С. 58—69.
- [15] http://www.oas.org/juridico/pdfs/mesicic4_ecu_const.pdf (Titulo 2. Art. 10)

Поступило в редакцию
7 сентября 2015 г.

Ontological perspectives of landscape science

© Yu. G. Tyutyunnik

Institute of Evolutionary Ecology of National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev
E-mail: carmel@mail.ru, carme@univ.kiev.ua

The article is the continuation of the discussion on modern state and development paths of landscape science, which was spread on the pages of «Izvestia RGO» (A. G. Isachenko, G. A. Isachenko, E. Yu. Kolbovskiy, A. V. Khoroshev). The author's position on subjects raised in the discussion is stated, based on P. Feyerband's points of philosophy of science and Ph. Descola's concept of ontological modes. A proposal is given that contradictions appearing between practice of landscape forming and theory of landscape are determined not by theory's shortcomings but the fundamental historic flaws of new-European ontology, underlying the contemporary practice of nature use. A conceptual alternative, which became possible in the gnoseological conditions of post-modern, is suggested to lie among ontologies that differ from new-European one, to be used for development of landscape theory as well as for improvement of social practice of landscape transformation.

Key words: landscape science, naturalism, ontology, post-modern, totemism.

References

- [1] Gagaev A. A., Gagaev P. A. Kul'turnyj landshaft kak sub"ekt estestvennyx grazhdanskix prav // Teoriya i praktika planirovaniya kul'turnogo landshafta: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., Saransk, noyabr' 2010 g. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2010. S. 3—7.
- [2] Grodzyns'kyj M. D. Landshaftna ekologija: pidruchnyk. K.: Znannja, 550 s.
- [3] Descola Ph. Par-delà nature et culture. Paris: Ed. Gallimard, 2005. 640 p.
- [4] Zagorodnjuk V. P. Avtodestrukcii' chy vidrodzhennja: nadbannja i vtraty postmodernoi' filosofii' nauky // Totallogy — XXI. Vyp. 2, 3. K.: Centr gumanitarnoi' osvity NAN Ukraïny, 1999. S. 133—157.
- [5] Isachenko A. G. Destruktyvnye tendencii v postsovetsoj geografii: ot revizii dostignutogo k «neolandschaftovedeniyu» // Izv. RGO. 2014. T. 156, vyp. 6. S. 57—64.
- [6] Isachenko G. A. Landshaft mezhdru real'nost'yu i konstrukcij (razmyshleniya po povodu stat'i E. Yu. Kolbovskogo) // Izv. RGO. 2014. T. 156, vyp. 2. S. 46—66.
- [7] Kaganskij V. L. Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sb. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 576 s.
- [8] Kolbovskij E. Yu. Sushhestvuet li prirodnyj landshaft: e'pistemologicheskij analiz fenomena // Izv. RGO. 2013. T. 145, vyp. 5. S. 49—66.
- [9] Lyotard J.-F. La Condition postmoderne : rapport sur le savoir. Paris: Ed. Minuit, 1979. 128 p.
- [10] Tyutyunnik Yu. G. Etyka pryrodokorystuvannja v shidnij kul'turnij tradycii' // Ekologija i kul'tura: Zb. K.: Nauk. dumka, 1990. S. 112—132.

- [11] Tyutyunnik Yu. G. Proliferaciya ponyatiya «landshaft»: pochemu ona proisxodit i kak otnosit'sya k nej geografam? // *Izv. RGO*. 2013. T. 145, vyp. 5. S. 66—78.
- [12] Tyutyunnik Yu. G. Totallogiya landshafta. K.: Centr gumanitarnogo obrazovaniya NAN Ukrainy, 2002. 122 s.
- [13] *Feyerabend P.* Izbrannye raboty po metodologii nauki / Per. s angl. i nem. M.: Progress, 1986. 542 s.
- [14] *Xoroshhev A. V.* K diskussii o neolandshaftovedenii: determinirovannost', polimasshtabnost', polistrukturnost' // *Izv. RGO*. 2014. T. 146, vyp. 4. S. 58—69.
- [15] http://www.oas.org/juridico/pdfs/mesicic4_ecu_const.pdf (Titulo 2. Art. 10)

Изв. РГО. 2015. Т. 147, вып. 5

О КАТЕГОРИИ «ПОТРЕБЛЕНИЕ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

© С. Ю. КОРНЕКОВА

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: S-Kornekova@mail.ru

Рассматривается категория «потребление» в экономической и социальной географии. Высказывается мнение, что основанием для отнесения проблем потребления к сфере социально-экономической географии является территориальная системность. Среди территориальных систем потребления относительно проще идентифицируются системы потребления продовольствия. В целом территориальные системы потребления в РФ характеризуются колоссальной спецификой. При этом специфика не ограничивается продовольственным сегментом экономики, а распространяется на другие базовые потребности — социальные, духовные и др. Особый интерес к географическим аспектам потребления применительно к России определяется как федеративным статусом последней, так и обилием субъектов Федерации, существенно различающихся между собой природными, историческими, экономическими, социальными, культурными и другими условиями развития. Особенно актуальны физическая и экономическая доступность продовольствия, уровень потребления, качество и структура рациона питания для населения, проживающего в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях.

Ключевые слова: потребительство, покупательское поведение, потребление, потребители, общество потребления, изучение потребления, география потребления, территориальная система потребления, региональный территориально-потребительский продовольственный комплекс.

Потребление как фундаментальное условие бытия человека и важнейшая сфера его социальной и индивидуальной жизни относится к числу достаточно глубоко исследованных областей философского, социологического и экономического знания. Еще в XIX столетии К. Маркс, Г. Б. Веблен и Г. Зиммель осуществили систематические исследования данной категории с классовых позиций, акцентируя внимание на объективных факторах становления потребления (Маркс [23] — на способе производства и характере производственных отношений, Г. Б. Веблен [4] и Г. Зиммель [10] — на стратегии принуждения к потреблению).

Впоследствии, по мере выхода категории «потребление» за рамки способа удовлетворения потребности в пище, одежде, жилище и т. д., она приобретает другие смыслы, обогатившись, в частности, многообразным культурным содержанием, породив новое понятие «консьюмеризм», — т. е. потребитель-